

Из почты редакции

Мария Октябрьская со своим экипажем

Экипаж танка «Боевая подруга»

«Боевая подруга»

О Великой Отечественной войне написано и сказано немало, но рассказы её участников не теряют актуальности и добавляют к событиям тех лет новые штрихи

Читательница «ММ» Татьяна Овсянникова прислала в редакцию воспоминания своего деда Михаила Константиновича Галкина – фронтовика, участника Парада Победы 1945 года.

Михаил Галкин

«Боевая подруга»

«22 июня 1941 года.

Воскресенье. Наш колхоз, закончив весенние полевые работы, отмечал традиционный праздник весны Сабантуй. Утро выдалось ясным и тёплым. Жители двинулись к месту проведения празднества в лесок около села. После торжественного приветствия начались спортивные мероприятия. Всем было весело от тёплой погоды и того, что молодёжь собралась вместе. И вдруг нарочный из района привёз весть о начале войны. Что тут началось, трудно описать. В несколько минут место проведения праздника опустело, а на сельской площади состоялся массовый митинг, где представитель райкома сообщил, что Германия без объявления войны напала на нашу Родину и уже бомбит наши западные города. Тут же было объявлено, что первые тридцать человек должны явиться в военкомат для отправки на фронт.

На другой день с первыми мобилизованными, в основном участниками советско-финской войны и боёв на озере Хасан, двинулись из села на станцию Буранную гусеничные тракторы. Жуткую картину представляло село: у нас большая родственность, поэтому проводы превратились в поголовное урево, как у нас говорят, – ревелось всё село. Мы, комсомольцы, написали письмо в военкомат, чтобы нас взяли на фронт добровольцами, но нам объяснили, что Родине в этот тяжёлый час нужны не только люди, но и хлеб, продовольствие, обмундирование. На оставшейся технике, тракторах, колёсных в основном, мы работали не покладая рук.

Лето и осень 1941 года стали для нас испытанием на мужество, стойкость и смекалку

Надо было заставить себя и других не бросать кое-как работающую технику, завершить обмолот хлеба и вывоз зерна на хлебоприёмный пункт. Одновременно требовалось вести агитационно-массовую работу среди населения, рассказывать о событиях на фронтах, о сборе средств и вещей для бойцов.

Наступил 1942 год. Военком всё-таки принял моё заявление. Но отправили меня в Магнитогорское лётное училище, организованное на базе аэроклуба. Несколько месяцев мы занимались познанием авиационной премудрости, из которой запомнили только марки немецких самолётов и то, как их распознавать. Нас направили на границу с Маньчжурией, где ожидалось нападение Японии. До сентября 1943 года обучали всему, что надо знать пехотинцу в бою. Кроме того нас, механизаторов, обучали танковому делу, которое мне давалось очень легко. Вскоре отправили на фронт. Но в Омске из эшелона отобрали группу отличников – так я стал инструктором-водителем танков Т-34 в 4-м учебном танковом полку. Однообразная была работа на танкодроме: вождение по заданию, преодоление полос с препятствиями. Шло время, и обученные нами курсанты уезжали на фронт. Обидно было нам: мастера вождения танков – и сидим в глубоком тылу. Чем будем гордиться? Тем, что всю войну просидели в тылу и немцев не увидели? Но нам отвечали: тут бы нужнее. В мае 1943 года прошёл слух, что в наш полк поступила девушка – хочет быть механиком-водителем танка. К осени 1943 года на практическое вождение поступили новички. Группа курсантов заняла места: двое на боеукладке, один за рычагами.

Даю команду:
– Готовься к заводке!
Отвечает:
– Готова!
Спрашиваю:
– Почему готова, а не готов?
Отвечает:
– А вот так, готова и всё тут.
Снял шлем, представилась:
– Мария Васильевна. Командуй дальше.

Сразу не нашёлся, что сказать, оробел, увидев рассыпанные по плечам комбинезона чёрные как смоль волосы. В танке не было видно её лица, но голос нельзя было не понять. Не мужской голос. Нежный, слегка мягкий, давно не слышимый мною голос, откуда-то из далёкого детства. Справившись с собой, представился: «Инструктор Галкин». Она не стала заводить, пока не узнала имя. Потом завела танк, тронулась с места. Всё у неё так ловко выходило, как будто бы всё время этим занималась. В разговоре узнал, что у неё погиб муж – полковой комиссар Илья Федотович Октябрьский, и она, отдав все сбережения на постройку танка, попросилась на фронт вместо мужа. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин ответил ей: «Спасибо за заботу. Ваше желание будет исполнено».

Срок учёбы подходил к концу. Мы с другом Геннадием Ясько попросили Марию Васильевну включить нас в свой экипаж и поехать вместе на фронт. «Как же я вас возьму, ведь вы оба водители. На один танк три водителя?» – ответила она. Тогда я показал удостоверение стрелка-радиста, а Гена – командира орудия. Помогли нам забайкальские курсы смежных профессий по взаимозаменяемости экипажей. Мария Васильевна связалась с командующим войсками СибВО и договорилась о включении нас в экипаж. Командиром к нам был утверждён младший лейтенант Пётр Иванович Чебатько, уже побывавший на фронте и имевший ранение в голову. Через некоторое время поехали получать технику на Омский танковый завод. Испытания проводили при нашем участии. Танки были пятискоростные, маневренные.

Военпред на заводе объявил рабочим, что на этом танке нужно написать «Боевая подруга», так как на нём едет воевать женщина-танкист Мария Васильевна Октябрьская

Рабочие тепло провожали нас на фронт, желали удачи в разгроме фашистов.

Первый бой, в котором участвовал наш корпус, был за освобожде-

ние Нового Села. Окопавшиеся фрицы сильно оборонялись, сдерживая натиск наших танков. Много машин сгорело в этом бою. Был подбит и наш танк. Разорвало трак, но мы справились с этой аварией и продолжили бой, уничтожив несколько орудий с расчётами и несколько десятков фашистов.

Нашей части дали небольшую передышку. Бывалые танкисты в деталях рассказывали и показывали нам, молодым, как преодолевать зигзагообразным путём открытые места на поле, как мгновенно остановить танк для прицельной стрельбы из орудия. Всё это очень помогло нашей Марии Васильевне, после чего мы были спокойны, когда за рычагами сидела она.

В январе корпус снова ввели в бой. Нужно было освободить совхоз Крынки и железнодорожную станцию. Наш танк снова подбили, мы не могли выйти из машины, так как находились в непосредственной близости от немцев. Дождавшись ночи, решили узнать, что с ходовой. Я вылез из танка и на ощупь определил, что разбита гусеница. Через открытый люк сообщил, что нужно заменить разбитые траки. С Геннадием Ясько мы сделали гусеницу, набросили на звёздочку и перетянули по каткам ленивца. Путём натяжного приспособления «жучок» соединили гусеницы. Нужно было вставить соединительный палец. Ясько сел за рычаги, завёл мотор и стал помогать мне рывками, но палец не шёл. Нужно было стукнуть. Я попросил кувалду. В это время из люка вылезла Мария Васильевна, и мы вдвоём стали пристукивать через рукавицы, чтобы было не так слышно. Но немцы, видимо, услышали и открыли по нам огонь из многоствольного миномёта. Разрывы накрыли нас, забросав комьями глины и снега. Я почувствовал боль в пояснице. Как только утихло, попытался поднять Марию Васильевну, но это мне не удалось. На голос мой она не отвечала. Подойдя к люку, позвал на помощь. Вдвоём с Геной мы, накрывшись плащ-накидкой, с помощью карманного фонарика обнаружили, что она серьёзно ранена. Левый глаз был весь в крови. Придя в сознание, она сказала: «Ребятки, я отвоевалась» и опять потеряла сознание. Гена пригнал танк, на котором мы увезли Октябрьскую в медсанбат, а потом вернулись за нашим танком, который отбуксовали в безопасное место и отремонтировали. Свою часть мы вскоре догнали и продолжили бой с немецкими танками. Изготовились прямой наводкой бить по «тигру». Ясько дал по нему выстрел, но тут загорелась крыша сарая, и нам пришлось выдвинуться подальше. Вдруг сильный удар, и танк загорелся сзади.

Оказалось, другой немецкий танк зашёл сбоку и ударил по кормовой части, где были запасные баки с горючим. Мы вовремя выскочили. Кругом рвались снаряды, но нам удалось найти укрытие. Танк спасти не удалось, взрывом боеукладки его разорвало. Так погибла наша «Боевая подруга».

Нам сообщили, что Марии Васильевне в госпитале Смоленска опытные хирурги сделали сложную операцию – удалили глаз и извлекли из мозговой оболочки несколько металлических мельчайших пылинок. Начальник политотдела 26-й танковой бригады Афанасий Георгиевич Гетман поехал навестить её и вручить орден Отечественной войны 1 степени, но узнал, что она скончалась.

Хоронили Марию в Кутузовском саду города Смоленска. Момент захоронения показали в пятой серии киноэпопеи «Великая Отечественная». В хронике наш экипаж: Ясько, Чебатько и я. Мы поклялись отомстить за гибель нашей дорогой Марии Васильевны. После пополнения нам вручили новый танк, который мы назвали «Боевая подруга». Наш экипаж принимал участие в Минском рейде по тылам противника, по окружению и уничтожению группировки немцев. Мы громили фашистов, одерживая победу за победой. Неоднократно наш корпус отмечали в приказах Верховного Главнокомандующего за отличие в боях. Завершающим этапом нашего боевого пути была Восточная Пруссия, там мы уже были хозяевами положения, но враг был силен, о чём свидетельствует Гумбинненская операция, где наш корпус с тяжёлыми боями выходил из окружения с помощью лётчиков, пробивших нам коридор. В бою потеряли мы вторую «Боевую подругу». Нам вручили третью – с тем же названием.

День Победы встретили в Пруссии, в городке Домнау. Вскоре нам доверили участие в Параде Победы в июне 1945 года

Я стал свидетелем исторического момента, когда под барабанный бой к Мавзолею Ленина были брошены 200 знамен разгромленных немецких частей. В декабре 1946 года я демобилизовался и вернулся в свою деревню, где меня ждали четыре брата, две сестры, мать и дед с бабкой. Отец умер на Челябинском заводе. Женился я на девушке, воевавшей связисткой в авиаполку. Вырастили детей, внуков. Но душой не старше и сколько будем жить, будем помнить людей, с которыми сражались на фронтах Великой Отечественной.